ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Голос Труда

ежемесячное приложение

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ
на год 1,50
„ 6 м. 75
отд. № 10

Год 1 | Buenos Aires Septiembre 1923 | Direccion: Correo Central, Casilla 1752 | № 2

Жизнь не ждет.

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто ежедненно с бою их берет.
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной,
Дитя, и муж, и старец пусть ведет...

Гете (Фауст).

Жизнь не ждет. Она идет полным ходом и каждому рождающемуся человеку и живому, и неживому существу продоставляет все свои богатства. Природа ни на момент не закрывает и не запирает своих богатств и с веселым, смеющимся лицом встречает все живое.

И жизнь порхает, ныряет, прыгает, летает, поет и веселится. В каждом уголку природы, резвятся зверьки и птички,—под землей, под водой, на земле, на воде и в воздухе. Нет того места, где бы жизнь не смеялась, не радовалась и не цвела. До самой минуты естественного разложения своей живой и не живой формы, всякая форма стремится проявить себя в наибольшей возможности, впитывает в себя всю силу природы всеми своими частями тела, и возвращает их миру в виде безконечного количества новых ценностей, новых форм, новых видов и новых индивидов.

Не исключен из этой сферы жизни, действия, активности и проявления себя и человек. Еще больше, наделенный самыми развитыми мозговыми центрами, он обладает способностью все эти возможности удесятерить, увеличить до безконечности. Человеческое существо обладает способностями, которые его сделали владыкой всей природы, всего что есть на белом свете. Он покорил весь животный мир и подчинил его себе. Он победил все самые сильные проявления природы, он победил даже подводные и воздушные пространства.

Куда только человек не пробирался? чего он только не постигал? Он опустился на дно морей и сравнялся с водными животными; своими приспособлениями он забрался в глубины земли и под землею хозяйничает, при помощи электричества и пара, как и на земле; он взобрался на седьмое небо, выше всех птиц небесных, даже выше мечты человеческой, поместившей самого Господа Бога на седьмое небо. Человек, за малыми исключениями, стал равен природе и часто спорит уже с ее силой, с ее хотениями, с ее намерениями, направляя их так, как ему, человеку, угодно. Царь и Бог оказались жалкими, против того чем стал человек, против той силы, которой владеет человек.

Но владея всеми этими богатствами,—имея все эти богатства, всю эту силу в своих руках, люди остались такими же жалкими как и все остальные животные, не знают что делать с этими богатствами, не знают как распорядится ими, чтобы эти богатства служили всем людям на пользу, чтобы этими богатствами украсить свою жизнь и облегчить ее. Понятно что возможности бесконечны, что будущее для этих возможностей—безграничио. Но имеющееся уже сейчас в хранилищах человеческих богатств естественные, технические богатства и знания скрытые еще в кабинетах и лабораториях, разных людей знания и практики,—безграничны.

И если даже сейчас, сегодня — завтра, нет еще всех богатств в запасе в таком количестве чтобы хватило всем по потребности каждого, если сейчас запасы еще ограничены, то это только потому что строй и формы жизни таковы, что это накопление ни в коем случае невозжно и невозможно будет пока этот строй жизни, эти формы человеческого общежития будут существовать. Только с исчезновением этих форм общежития, только с уничтожением всякой формы насилия отдельных людей над всем человечеством, и эксплуатации человека человеком, возможно будет чтобы эти богатства шли на пользу всем людям, всему человечеству, а не отдельным личностям, или группам. И поколение за поколением уходит из жизни природы, из жизни земной, не имея даже представления о том чем могла бы

К.п. 5180

105

быть жизнь если бы он, т. е. каждый живший и живущий человек, был бы активен, принимал участие в общей жизни и в творчестве новых ценностей.

Многие стараются уговорить обездоленных что жизнь для всех в таком виде — невозможна, что жизнь так создана, что необходимы страдания, нищета физическая и духовная одних людей, чтобы жили и радовались в жизни другие. Но это не так. В современной жизни, в жизни какова оно сейчас, не живет полной жизнью ни один человек, ни богатый, ни бедный. Если богатый избавляет себя от грубого труда и имеет материальные возможности, то его внутренняя жизнь, его духовная жизнь так же нищенски бедна, как и у последнего рабочего. Как пьяница упивается водкой, кокоинист кокоином, садист сладострастием, так же современный капиталист—извращенное и жалкое существо—находит удовлетворение только в самом ничтожном: в накоплении денег, в обжорстве и разврате. Редко среди них имеются беруще больше от жизни. живущие полной радостной жизнью. А если и находятся такие, то их мучает их жизнь, их сознание не дает им покоя и они оставляют свои преимущества, свою довольную и сытую жизнь и уходят принести луч света в царство тьмы, в царство голода и нищеты физической и духовной. Все лучшие представители человечества, за малыми исключениями, вышли из среды имущих, оставивших свое положение ради жизни, радости, свободы и света обездоненных и неимущих.

Но идя к этим обездоленным, они приносили с собой с верхов помимо света, знания и призыва к активности, к борьбе за лучшую жизнь, и свою барскую жалость, свое чувство брезгливости к массам, свое барское величие и веру в себя как избранных человечества, как гениев, как великих людей. И их проповедь, проникнутая самыми лучшими желаниями, самыми лучшими намерениями, всегда была пропитана неверием в способности каждого человека из массы знать и понимать жизнь, быть активным и строить самостоятельно свою жизнь и жизнь общую.

Этот дух неверия, они так сильно привили трудящимся, что и сами трудящиеся не верят в свои силы, что угнетенные и обездоленные не стремятся даже стать иными, духовно и культурно развитыми, сознательными, понимающими жизнь, и активными ее участниками. Каждая из религий, программ, идей, и идеологий проникнута неверием в человека и всю силу будущего, все возможности переустройства жизни переносят на Бога, на слепую веру в авторитеты (великих людей) на разные общественные условия (историческую необходимость, политические, экономические и другие условия и т. п.), менее всего зная и потому менее всего полагаясь на живых творцов и носителей этих богов, религий, программ, идей, идеологий и созидателей и творцов всей лично и общественной жизни.

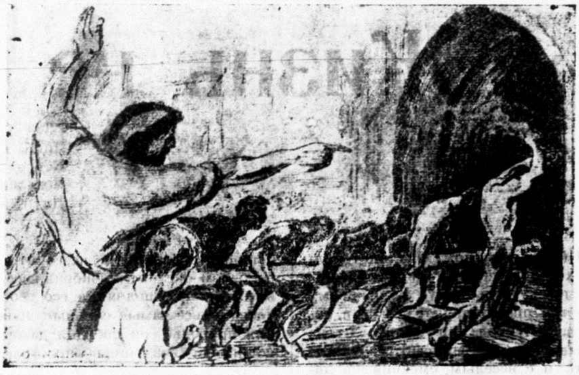
Рабочий, живой рабочий человек, угнетенный, живой мыслящий и страдающий, для них не существует, он — для них не больше как винтик в большой машине, которая заставляет его вертеться по своей прихоти.

Смешные фантазии людей не знающих живой жизни! И рабочие верят во все эти сказки и уговаривают и себя и других, что самой природой, самой жизнью им предназначено быть жалкими рабами, пока какое нибудь божество, историческая необходимость, или партия, т. е. великие, избранные, гениальные люди, не освободят их и не введут их в царство свободы и лучшей жизни.

Творцы всей жизни, трудящиеся по этим идеологиям, по этим представлениям—самые жалкие и ничтожные человеческие существа, неспособные перестроить своей жизни, пока поп, социалист, коммунист, анархист не поведет его на цепи в царство свободной жизни. И если кто из низов, из угнетенных, пробирался к этим избранным и имел возможность познать и понять жизнь, он вместе с «великими» людьми старался уговорить людей «внизу» о величии вверху и о необходимости покорно быть овцой у своего партийного или религиозного пастыря.

Но свет проникает вниз все больше и больше. Хотя много еще страдающих манией величия и веры в свои общественные мудрости, но уже немало побывавших у света кричат вниз: «выходите на свет, он вас не ослепит. Свет этот мягок и приятен и согревает мозг и душу». И из «низов» все больше и больше идут «вверх» за светом и зовут с собой своих братьев по труду, по страданию к свету и новой жизни. И сейчас эта тяга к свету, эта тяга быть прямым участником общественной жизни, быть творцом жизни, а не ее орудием, стало потребностью и стремлением многих рабочих.

Современное участие рабочих в строительстве жизни.



Рабский подневольный труд без понимания его смысла и значения.

Еще сильна слепая вера в избранных и великих—в авторитеты,—еще не научились трудящиеся верить в себя, в свои способности, в свои силы и самим разбираться в жизни и решать свои дела и направлять свои действия.

Но что «освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся», а не дело избранных, не дело социалистов, коммунистов, синдикалистов, синдикалистов, индустриалистов, анархистов и так далее, стало все больше и больше проникать в трудовые массы, и трудящиеся уже отказываются верить словам, а присматриваются к делам.

Рабочие уже отказываются подчиняться декретам и предписаниям разного рода авторитетов. И в этом залог лучшего будущего.

Никто не может освободить другого, «никто не даст нам избавленья, ни Бог, ни Царь и не Герой, добьемся мы освобождения своею собственной рукой», но для того чтобы самому себя освободить нужно хотеть, нужно перестать быть послушным рабом другого,—всякого авторитета. Нужно освободить себя от слепой веры и учиться у окружающей жизни и окружающих людей. Хорошо читать книгу, но книгу не как нечто божественное: не нужно благоговеть перед чужой мыслью и принимать ее на веру. Нужно ее разобрать, по-

нять, и, если можем, принять свободно, по своему разумению.

Но не веря в авторитет, в гениальную непогрешимость и божественность другого человека, не нужно и умалять, его личность, осквернять, ругать и презирать. И не нужно и себя возвеличивать над другими, не нужно из себя строить великого человека только за то, что знаешь больше, что понимаешь лучше, что действуешь активнее и смелее в окружающей жизни и уже знаешь сам чего хотеть, чего желать и за что бороться в жизни. Не нужно хотеть и самому быть авторитетом для других, хозяином и господином над другими.

Освободившись от слепой веры в богов и авторитетов, завоевав для себя свободу мыслить, думать, жить и действовать как я понимаю, я не должен в то же самое время стремиться к неравенству, чтобы стать авторитетом для другого. Свобода и Равенство неотделимы друг от друга. Без свободы нет равенства, без равенства не может быть и свободы другой личности.

«Освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся». Но это значит, что каждый трудящийся должен заинтересоваться своею собственною, жизнью, жизнью своей семьи, своих братьев по труду и всех людей,— всего человечества. Без этого знания без понимания что делать каждому трудящемуся в общественной жизни, и стремление к новой свободной жизни, не будет этой новой жизни.

Отдельные люди могут предлагать свои мысли, свои понилания, свои методы и даже свои планы строительства новой жизни, но только сами трудящиеся будут ее строить и смогут ее построить. Участие трудящихся,—сознательное участие, один из главных моментов в переустройстве, и сколько бы хороших теорий, самых прекрасных планов не предлагалось—практически проводить эти идеи, эти планы в жизнь будут только трудящиеся сами.

От трудящихся зависит новая свободная и довольная жизнь. Без участия трудящихся, новая жизнь не осуществится.

За работу же трудящиеся!

Но за работу не по набору слов, а за живую активную деятельность. И если даже не удастся каждому трудящемуся дожить до новой свободной жизни, он сможет сказать словами поэта рабочего:

«Тяжко мне... Но не хочу я с злой
судьбой своей мириться
Я один... Но не могу я с силой
тёмною не биться...
Я погибну... Ну так что же? Коль
мое погибнет тело,—
Будет дух мой так же биться все за
то ж святое дело...

За работу же трудящиеся! Жизнь неждет!

Анатолий Горелик

Сентябрь 1923.

Правда о Кронштадте.

В реках крови потопили коммунисты самые лучшие стремления и самые лучшие порывы народных трудовых масс. Каждый протест, каждое недовольство со стороны рабочих и крестьян коммунистической диктатурой, которая была ничто иное как проведенная в жизнь идея Маркса и Энгельса и его учеников социал-демократов, было подавляемо огнем и мечем. Коммунистически-социалистическая диктатура на практике оказалась не больше как диктатурой в самом настоящем ее виде.

Еще больше. Коммунисты-марксисты не только потопили в крови всякое массовое революционное стремление, коммунисты, пользуясь именем революции и народа совершившего и кровью защищавшего революцию, обливали грязью, издевались над этими протестами народными, об'являли их контр-революционными, и надругивались над своими жертвами.

Но можно уничтожить революционера-человека, можно сколько угодно лгать и клеветать на народ и на революционно идейных противников. Но идеи на штыки не улавливаются и никакими пытками, никакими казнями и расстрелами, никакой силой не удержать взаперти правду о том что происходило в России, что творили коммунисты в Кронштадте над революционными матросами и рабочими, потребовавшими у коммунистов отчета за их маркситскую политику.

Кронштадцы разгромлены и перебиты, сотни и тысячи из них томятся в изгнании и на далеком севере или в тюрьмах в ужаснейших условиях. Физически они кронштадцев победили. Но эта победа была пирровой. Это был смертельный удар для марксизма и для идеи диктатуры пролетариата и власти коммунистов. Коммунисты остались у власти. Но их ореол и «революционность» предстали перед всем трудовым миром в их истинном свете.

Но коммунисты все еще пытаются лгать и изворачиваться разными ухищрениями и наглой ложью.

Кронштадцы же оставили после себя неумирающие памятники того, за что они боролись и против кого они боролись.

И для того чтобы впредь коммунистов избавить от необходимости лгать и обливать грязью революционеров-кронштадтцев, и чтобы каждый рабочий, каждый труженник мог, при первых же лживых словах коммуниста, избавить его от необходимости продолжать свою ложь,—мы начнем последовательно печатать самые важные статьи и документы, помещавшиеся в «Известиях Временного Революционного Комитета Матросов, Красноармейцев и рабочих гор. Кронштадта».

Эти оставшиеся памятники лучше расскажут правду о том кто были кронштадцы и за что они боролись и погибли, чем самые сильные и яркие статьи любого человека.

Документы будем помещать в том порядке как они печатались, в «Известиях» начиная с номера 1 и кончая н-ом 14.

ИЗВЕСТИЯ ВРЕМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

Матросов, Красноармейцев и Рабочих гор. Кронштадта.

№ 1 Среда, 3 марта 1921 г. № 1

К НАСЕЛЕНИЮ КРЕПОСТИ И ГОР. КРОНШТАДТА
ТОВАРИЩИ И ГРАЖДАНЕ!

Наша страна переживает тяжелый момент. Голод, холод, хозяйственная разруха держит нас в железных тисках вот уже три года. Коммунистическая партия, правящая страной, оторвалась от масс и оказалась не в силах вывеоти ее из состояния общей разрухи. С теми волнениями, которые в последнее время происходили в Петрограде и Москве, и которые достатчно ярко указали на то, что партия потеряла доверие рабочих масс, она не считалась. Не считалась и с теми требованиями, которые пред'являлись рабочими. Она считает их происками Контр-Революции. Она глубоко ошибается.

Эти волнения, эти требования — голос всего народа, всех трудящихся. Все рабочие, моряки и красноармейцы ясно в настоящий момент видят, что только общими усилиями, общей волей трудящихся можно дать стране хлеб, дрова, уголь, одеть разутых и раздетых, и вывести республику из тупика. Эта воля всех трудящихся, красноармейцев и моряков определенно вылилась на гарнизонном митинге нашем во вторник 1-го марта. На этом митинге единогласно была принята резолюция корабельных команд 1 и 2 бригад. В числе принятых решений было решено произвести немедленно перевыборы в Совет. Для проведения этих выборов на более справедливых основаниях, а именно так, чтобы в Совете нашло себе истинное представительство трудящихся, чтобы Совет был деятельным и энергичным орга-

ном. 2 марта с. г. в Доме Просвещения собрались делегаты всех морских, красномейских и рабочих организаций. На этом собрании предлагалось выработать основание новых выборов с тем, чтобы затем приступить к мирной работе по переустройству Советского строя. Но ввиду того, что имелись основания бояться репрессий, а также вследствие угрожающих речей представителей власти, собрание решило образовать Временный Революционный Комитет которому и передать все полномочия по управлению городом и крепостью.

Временный Комитет имеет пребывание на линейн. кор. «ПЕТРОПАВЛОВСК».

Товарищи и граждане! Временный Комитет озабочен, чтобы не было пролито ни одной капли крови. Им приняты чрезвычайные меры по организации в городе и крепости и на фортах Революционного порядка.

Товарищи и граждане! Не прерывайте работ. Рабочие оставайтесь у станков, моряки и красноармейцы в своих частях и на фортах. Всем советским работникам и учреждениям продолжать свою работу. Временный Революционный Комитет призывает все рабочие организации, все морские союзы, все морские и военные части и отдельных граждан оказать ему всемерную поддержку и помощь. Задача Временного Революционного Комитета дружными и общими усилиями организовать в городе и крепости условия для правильных и справедливых выборов в новый Совет.

Итак товарищи, к порядку, к спокойствию, к выдержке, к новому честному социалистическому строительству на благо всех трудящихся.

Кронштадт, 2 марта 1921 г.

лин. кор. «Петропавловск».

Председатель
Вр. Рев. Комитета
Петриченко.

Секретарь *Тукин.*

РЕЗОЛЮЦИЯ
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ КОМАНД 1й и 2 ой БРИГАД ЛИНЕЙНЫХ КОРАБЛЕЙ, СОСТОЯВШЕГОСЯ 1 Марта 1921 г.

Заслушав доклад представителей команд, посылаемых общим собранием команды с кораблей в гор. Петроград для выяснения дел в Петрограде, постановили:

1. Ввиду того, что настоящие советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.

2. Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий.

3. Свободу собраний и профессиональных союзов и крестьянских об'единений.

4. Собрать не позднее 10 марта 1921 г. беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев, матросов гор. Петрограда и Кронштадта и Петроградской губ.

5. Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.

6. Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.

7. Упразднить всякие ПОЛИТОТДЕЛЫ*), так как ни одна партия не может пользоваться привиллегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели. Вместо них должны быть учреждены, с мест выбраные Культурно просветительные комиссии, для которых средства должны отпускаться государством.

8. Немедленно снять все заградительные отряды.

*) Политические отделы состоящие из коммуньстов. (Ред.).

9. Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.

10. Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства со стороны коммунистов, или отряды понадобятся, то можно пазначать в воинских частях с рот, а на фабриках и заводах по усмотрению рабочих.

11. Дать полное право действия крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т. е. не пользуясь наемным трудом.

12. Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.

13. Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены печатью.

14. Назначить раз'ездное бюро для контроля.

15. Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом.

Резолюция принята бригадным собранием единогласно при двух воздержавшихся.

Председатель
Бригадного Собрания
Петриченко.

Секретарь *Перепелкин.*

Резолюция принята подавляющим большинством всего Кронштадского Гарнизона.

Председатель *Васильев.*

Вместе с тов. Калининым голосует против резолюции Васильев *).

*) Васильев — коммунист, председатель Кронштадского совета, Калинин коммунист, председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК). Все остальные Кронштадские коммунисты голосовали за резолюцию. (Ред.).

Забастовка.

Раскинулось ветвисто солнце над
землею,
Молотом рассвета стучась во все
дома.
Грозным криком жара, врываясь в
сон дремучий,
Кистью смелой землю раскрасила
Весна.
Ни тени неба, ни облачка, ни дымки.
День куется грозный, душный
молчаливый.
Лишь клубятся дымно дымовые
трубы,
И грохочет грозно завод крикливый.
Смелые и стройные с гордою
поступью,
Двигаются тени к дымному дворцу,
На лицах чернотою скрыта
бледнолицесть,
И черная гримаса у губ лежит в углу.

В двери все вбегают в немой тиши
Но в груди их молот злобою стучит,
Станок из нервов глухо уж рычит,
Сила воли с злобой сердце сторожит.
—«Ваня, дай резец мне. Мой весь
отупел.
— Миша дай заклепку. Ну, скорей,
подлец!
И летят руганья, и летят
кричанья, —
Новый день уж тучею фабрике
грозит.
—«Выходи! Довольно! Наковали
вдоволь!
Труба кричит, кричит.
Грозное стенанье, проклятие, угроза
Из дверей спешит.
Выходи!
Разомни
Члены усталые.

Разгони,
Разлети
Мысли рабовые.
Размахнись,
Развернись,
Да ухнем разом все.
Разожжем,
Разнесем
Пожар по земле.
Закуем,
Закуем
Жизнь новую.
Соберем,
Пустим в ход
Жизнь светлую.
Выходи,
Разомни
Члены усталые.
Разгони,
Разлети
Мысли рабовые!

Вышли все, вышли все,
На ходу все стоит.

С. МСТИСЛАВСКИЙ.

Пять дней

Начало и конец Февральской Революции

День первый.

Февральский переворот.

(27 февраля—1 марта).

(Продолжение).

Затаившись за выступом дома — резко, во весь свист подал сигнал подросток. Оглянулись на Таврическую: все разом. И хлынули, давя друг друга к панели; буравя отбегающую толпу, пробираются вперед, щелкая затворами, вооруженные... Студенты, рабочие... Рассыпаются в цепь поперек Таврической.

Но снова кто-то кричит и машет. И снова — возбужденно, призывно колышась, отзывается толпа. Дула опускаются. К цепи, на раскормленном могучем, ширококостном караковом жеребце, горяча его, под'езжает солдат артиллерист, салютуя широкой блестящей офицерской шашкой.

— У-ра-а-а!

К солдату теснятся. Придерживаясь за стремя, вприпрыжку провожают его сквозь толпу ребятишки. Взлетают вверх шапки. Исступленно палят в воздух на тротуарах подростки. Медленно, пляшущим шагом едет солдат, красуясь, выгибая шею коню мундштучным железом...

Должно быть, выступила гвардейская артиллерия...

. . . .

Вечереет. Тише на улице. Таврическая запряжена людьми: тянутся ко дворцу.

. . . .

Дрогнул в кабинете телефонный звонок.

«Товарищ Мстиславский? Говорит Капелинский».

Капелинский — меньшевик-интернационалист. Секретарь петроградского союза рабочих потребительных обществ, председателем правления (а затем тов. председателя Совета) которого я был в военное время, между прочими делами. Он был арестован месяца полтора два назад, при ликвидации рабочей группы центрального военно-промышленного комитета, лидеры которой — Богданов, Гвоздев, Бройдо были в то же время наиболее активными работниками правления и нашего союза: по связи с ними, был «приобщен к лику» и Капелинский.

Раз о на свободе — значит «Крестов», действительно, нет.

— Сейчас же приходите в Таврический, комната номер 13. Ну, дождались, кажется! Смотрите только.

— Иду.

Вешаю трубку. Иду собираться. Штатское пальто поверх френча: прикрыть погоны от недоразумений на улице.

Опять трещит звонок:

— Это я, Капелинский. Может быть, прислать автомобиль? Мы ведь сейчас не как-нибудь..

— Не стоит: тут два шага.

. . . .

Темным кажется приземистый, распластавшийся по земле Таврический дворец, — хотя весь он, от окна до окна, горит огнями, зловеще светится на тусклом ночном небе его стеклянный купол. На площадке перед дворцом и на улице — трещат костры. Грузовики, автомобили, толпы солдат и вольных. Море голов — во все стороны, куда ни взгляни. Справа, слева, из-за насупленных, тесно обступающих нас домов и труб, поднимаются к небу крутыми, колыхающимися извивами багряные столбы... Горит Окружный Суд, горит Жандармское Управление на Тверской, горит каланча на Старо-Невском.

У ограды и, в особенности, у под'езда дворца сильные солдатские караулы. Вход — только по мандатам заводов и воинских частей и по специальным пропускам. Но проламываются в давке и «безбилетные». Проламываюсь и я.

. . . .

«13-ая комта. Направо по коридору».

Сворачиваю и натыкаюсь на Соколова, — известного всему политическому Петербургу, «Николая Дмитриевича», защитника по революционным делам и всегдашнего устроителя всяческих общественных совещаний. Он ухватывает меня под руку. «Идемте скорее, собрались делегаты от восставших полков, надо организоваться, надо действовать. Часть войск остались на стороне правительства, в городе идут уже бои».

. . . .

Во дворе, по земле,
Гул далекий стоит.

———

Бежит, бежит кровяный ручей,
Пики и сабли едят и едят
Руки и ноги и тела огрызки
Лежат на земле и кричат:
—«Подымайся, одевайся в броню новую,
«Подымай, разрушай жизнь старую,
«Говори и кричи полным голосом,
«В руки жизнь возьми полнолунную.
«Стремись, не страшись, к безбрежному,
«Закуй, закали силу, мускулы,
«И куй новый мир. Молот грозно держи...
«Пусть станки заревут говорливые.

———

Нет стремян, нет удил,
Конь дико бежит,
На коне без седла
Наездник сидит:
—«Выходи,
«Выходи,
«В жизнь новую.
«Куй,
«Закувай
«Песнь грозную.
«На коней!
«На коней!
«Все голодные.
«Вперед!
«Вперед!
«Все бездомные.

———

Отцвели уж цветенья весенние,
Плоды не летают к земле.
Солнце усталое бледное
Горит на земле, иль в плите.
Тени небесные в сборе все,—
Кузнец неба убрался к себе.
Моросят лишь слезистые капельки,
Сонно ходит все по земле.
И вновь трубы дымят дымовые,
Вновь двери гудят и кричат,
Вновь старое,—грязь на окне.
И безжизненно лица глядят.
Но в груди,
Как в печи:
—«Выходи!
«Выходи,
«Безустальный.
«Разомнись!
«Разомнись,
«Ты подвальный.
«Размахнись!
«Размахнись!
«Бесприютный.
«Разожги
«И закуй
«Мир приютный.

———

Ночь. Молчаливо горит огонек.
У лампады гурьбою сидят
И мечтою куют и куют...
Любовь решили сковать.
Брызги крови блуждают из стен.
Кости, ноги, тела без конца,
Но любовь уж горит по земле,—
Скоро солцем станет земля.

Харьков 29/VI 20 г.

Анатолий Горелик.

Делегаты (один вольноопределяющийся, один фельдфебель, все остальные—простые рядовые, «бородачи») чинно сидят вдоль стенки, без оружия. Соколов спрашивает что нужно нам для «штаба».

Прежде всего, план Петербурга.

— Откуда его возьмешь?

— Из Суворинского «Всего Петербурга: здесь в Думе где-нибудь наверное есть.

Соколов уносится (всегда быстрый, сегодня он — точно на крыльях) искать план. Мы начинаем, взаимным опросом, выяснять обстановку.

Нельзя сказать, чтобы она была особо радостной—со «штабной» точки зрения. Правда, численно на стороне восстания безусловное большинство. Прилегающие ко дворцу «военные кварталы» поднялись целиком—только о 9-м Запасном кавалерийском сведений нет: человек 15 конных этого полка здесь, во дворе Таврического; но что со всем полком сталось они не знают. Кроме волынцев и литовцев вышел гвардейский экипаж, вышли егеря, павловцы, лейб гренадеры, московцы, преображенский баталион (что стоял на Кирочной, о втором, — на Миллионной, ничего не известно), саперы, гвардейские артиллеристы. Толко учебные команды большинства названных полков остались в казармах, отсиживаются и даже отстреливаются при попытках «вольных» проникнуть за ворота. Нет финляндцев: по некоторым сведениям они не примкнули и держат Тучков мост, часть Васильевского Острова и Петербугской Стороны. Конные полки и казаки либо нейтральны, не выходят из казарм, либо у Хабалова. Петропавловская крепость молчит, но не за нами: на стены выставлены полевые оррдия, наведены на мост, но огня не открывают. Флотские экипажи на Крюковом Канале заперты в казармах, казармы оцеплены, так что матросы едва ли знают даже толком, что на самом деле в городе делается. Нет военных училищ, нет пеших дружин, расквартированных по окраинам... ну, да ополченцы наверное покидали уже ружья...

Сколько войск у Хабалова, какие именно части и где они—в точности не знает никто. На Сенатской площади какие-то войска в строю: пехота, эскадрона два кавалерии, батарея: очевидно, не наши, так как «наших»—в строю нет ни единой роты — все рассыпались. На Дворцовой—тоже войска: там, повидимому, главная квартира Хабаловцев. Морская—за ними, но телефон, видимо, нейтрален, так как отвечает на вызовы с Таврического. А может быть, это и нарочно делается, для осведомления: ведь свои сведения «они» могут передавать по военно-полицейским проводам...

Что делается на вокзалах—неведомо.

Если к сведениям этим приложить трафаретный военный масштаб — соложение наше катастрофично.

Правда, Хабалов сделал коренную, грубейшую ошибку, оттянув свои войска в самый центр города, т.-е. дав «мятежу» охватить их со всех сторон, вместо того, чтобы вырваться как можно скорее из «заразной зоны» за городскую черту, притянуть подкрепления и, изолировать «очаг мятежа», каковым сейчас является Петербург, перейти затем в планомерное концентрическое наступление. Такой метод действий давал правительствам в прошлой истории восстаний неизменно твердый и быстрый успех. В городе революционная атмосфера разбивает правительственные войска вернее всяких баррикад... На нее, и в нашем случае, приходилось возложить все надежды. На... «стихию». Только.

Но... подлинно ли в городе революционная атмосфера?... Я вспомнил утренних преображенцев, вспомнил толпы безоружных солдат, бродящих по городу, палящих в воздух и беспутно мечущиеся по улицам автомобили. Если бы у нас была хоть одна спаянная, сохранившая строй часть... Ни артиллерии, ни пулеметов, ни командного состава, ни связи. Из офицеров, кроме старшего лейтенанта Филиповского — старого товарища по эсэровекой военной организации еще девятисотых годов, пришедшего минут через 15 после меня, — во дворце нет никого. Был какой то капитан стрелкового армейского полка, послушал, послушал нашу сводку, покачал головой и пошел...

— Пропадешь тут с вами... Как кур во щи...

. . . .

Днем попытка Хабалова продвинуть какие-то части, против волынцев, к нашему «городку» разбилась о задержавшие движение уличные толпы: дйствовать оружием офицеры не решились. Но на ночь толпы разойдутся, не будет на пути живых—пусть безоруженых, но восставших, подлинно восставших — рабочих застав. Останентся войско против войска. И в поединке этом — на нашей ли стороне сила?

В ночь правительственные войска должны перейти в наступление, если там, в том стане, хоть у кого-нибудь голова на плечах. Конечно, Хабалов только покроем штанов похож на Галифе и больших военных талантов за ним не числится: но в штабе-то у него может же найтись «прапорщик с головой». А если найдется, с чем встретим мы неприятеля?

Дворец заполнен солдатами. Но пытаться соорганизовать их и вывести в строй, — отказываются сами же депутаты. Люди измаялись за день, большинство не ели с утра.

«Только на свету, народом держатся»...

Оторвать их от этого «света и народа», двинуть в жуткую мглу улиц, в сумрак застылых пустых вокзалов, выслать их в разведку, сторожевое охранение — лучше не пробовать.

— «Зря и их, и себя бередить», — качают головами депутаты.—«Измаялся за дечь солдат. Опять же, для многих непривычно, так-то, налегке, без присяги»...

РЕВОЛЮЦИЯ.

Свобода ведет массы на разрушение крепости Власти и Капитала.

Да и сами депутаты определенно тянутся от «штаба» к Совету Рабочих и Солдатских Депутатов», заседание которого должно вот вот открыться в соседнем с нами зале. Иные так и говорят: «мы не к вам, мы в Совет посланы». Та же тяга - к «свету и народу». Да и накипело у них, хочется других, не военных слов.

Что же, может быть, они и правы...

А все же надо ударить на Хабалова раньше, чем он ударит на нас.

. . . .

Наша комната понемногу заполняется собирающимися на заседание Совета... В соседней комнате уже не продохнуть. Много рабочих, но много интеллигенции, различных «левых» оттенков, и просто даже «корреспондентов». «Рабочая группа» вся налицо-ей, вместе с социалдемократическими депутатами Думы — Скобелевым и Чхеидзе—естественно первый голос: они — хозяева. Из «крайних левых» вижу только большевика Шляпникова и эсэра Александровича, да двух-трех «по конспирации» знакомых рабочих.

Перебегает от группы к группе распорядителем кажущийся Соколов; разлетающиеся от порывистых движений фалды его распахнутого сюртука кажутся особо нелепыми в этой напряженной обстановке. (План, к слову сказать, он нам принес—чуть ли не из кабинета «самого» Родзянки).

Нас просят перейти: под «штаб восстания» отведены комнаты номера 41 и 42—в противоположном крыле дворца: кабинет товарища председателя Государственной Думы (Некрасова) и смежный зал. Туда будут направлять и сведения и людей, особенно офицеров... буде таковые явятся...

Но войсковые депутаты уже вмешались в толпу ожидающих открытия заседания Совета; иду один в Некрасовский кабинет.

. . . .

Просторная пустая комната. Ярко, во всю гроздь своих лампочек горит люстра. За письменным столом, под стоячей, тоже зажженной лампой, — Керенский, в сюртуке, со с'ехавшим на бок галстухом, подписывает подаваемые ему кем-то, незнакомым мне, в пиджаке и косоворотке, бумажки, — отчетливо с размаха прищелкивая их штемпелем пропуска.

Мы пожали друг другу руки. Я сел насупротив, на свободный стул.

Человек в косоворотке принял последнюю бумажку и вышел.

— Ну, что, Сергей Дмитриевич, мы, кажется, дожили-таки!

Он порывисто и весело встал, потянулся весь вверх, словно расправляя затекшие члены, и вдруг расхотавшись, задорным мальчишеским жестом хлопнул себя по карману, засунул в него руку и вытащил старинный огромный дверной ключ.

— Вот он где у меня сидит, Штюрмер. Ах если бы вы только видели их рожи, когда я его запер!

Снова принесли на подпись пачку пропусков. Керенский подписывал, не читая размашисто расчеркиваясь и продолжая рассказывать об аресте Штюрмера. «Что было с Родзянкой! Ведь он совсем - было расположился принять его в родственные об'ятия»...

Вошел Некрасов - как всегда непроницаемо-благодушный, медлительный, округлый, глянцеватый и прочный. Улыбнулся, поздоровался, сказал пару незначительных фраз и увел Керенского за собою.

В соседней комнате гудели голоса. Открыв дверь я увидел Филиповского, с десятками двумя офицеров разных родов войск, по преимуществу прапорщиков. Молодые, радостно возбужденные лица... Начало, стало быть, есть.

Быстро разверстываемся. Филиповский принимает на себя комендатуру Таврического дворца и с частью офицеров приступает к подготовке его обороны, «на случай»... Мне приходится заняться действиями вне дворца, в городе...

(Продолжение в след. номере).

Н. РУБАКИН.

ВЕЛИКИЕ ЧУДОТВОРЦЫ и ИХ ЧУДЕСА.

Великий-древне-индийский чудотворец Будда.

Но еще удивительнее сказание об индусском чудотворце, Будде. О нем говорится в очень старинных индусских книгах, написанных на древнем санскритском языке.

Будда был тоже вероучитель, и тоже основал новую глубокую и великую веру. В этой вере в настоящее время пребывают несколько сот миллионов человек. Буддийская вера - одна из самых распространенных на земле. И сотни миллионов людей этой веры искренно убеждены, что Будда тоже был великим чудотворцем, и тоже был воплощением божества на земле, и тоже родился необычным способом.

«Он был на небе», так рассказывают о нем старынные индуские книги. «Он накопил бесконечные заслуги своим милосердием, преданностью и покаянием. И вот, чтобы освободить все живые существа от страдания и смерти, он решил воплотиться снова, и воплотиться через земную женщину. И обозрев всю вселенную одним взором, он выбрал для этого непорочную деву Майу. Он спустился на землю в ее тело, как светлый луч из пяти цветов. Так совершилось его непорочное зачатие в человеческом образе».

Так говорится о Будде в древнем индусском сказании.

Будда не имел земного отца, а мать его была «лучшая и чистейшая из дочерей, рожденных от людей».

При зачатии и рождении Будды совершились великие чудеса, а один святой старик-пустынник, увидя чудесные знамения, тотчас - же понял, что оне означают. И вот, не теряя времени, он отправился на поклонение новорожденному в город Капилаваcту,—тот город где родился Будда. И увидев чудесного ребенка, старик высказал пророчество, что этотто ребенок и станет Буддою, то есть «просветленным». И старик плакал, говоря, что ему самому не придется увидеть Будду в полной славе его.

Когда прошло четыре дня со дня рождения Будды, на пятый день было устроено, по старинному обычаю, празднество избрание имени новорожденному. Знаменитые брамины (жрецы) и прорицатели (волхвы) поклонились младенцу и пророчествовали о том, что ожидает ребенка. И один из этих прорицателей с точностью предсказал, что этот младенец непременно станет Буддою «и снимет с мира покрывало тьмы и греха».

В старой индусской книге „Лалита-Вистара“ рассказывается, как Будда был зятем принесен в храм, и даже древние боги преклонились перед ним. В той же книге рассказывается, как Будда, вместе с родными, отправился на один большой праздник, и как родные забыли там о нем, а он сел в своей славе, и это послужило на пользу распространения истины. Когда же Будда вырос и уже готовился к своей проповеди, явился и к нему дьявол, Мара, бог любви, греха и смерти, и искушал его, подобно тому как он искушал и Заратуштру. Случилось это, как водится, в пустыне, когда Будда размышлял там о жизни и о спасении. Мара искушал Будду всеми своими соблазнами, и ужасами своих бурь, и нападениями, и войной. Но Будда не поддался искушению и остался спокоен. И Мара был посрамлен и побежден, а для Будды началось внутреннее просветление.

Однажды на какой-то горе с ним было преображение. О нем тоже рассказывают старинные буддийские

книги. Просветленный Будда оставил, в конце концов, пустыню и пошел в мир проповедывать свое учение. И, проповедуя, он творил чудеса: исцелял больных, спасал расслабленных, изгонял злых духов; и слепые благодаря ему прозревали, хромые исцелялись, глухие начинали слышать, немые—говорить, горбатые выпрямлялись.

Будда жил за пол-тысячи лет до Рождества Христова, а книги, в которых говорится о нем и о его чудесах, написаны за несколько сот лет до Христа. Из этих книг видно, каким удивительным чудотворцем и вероучитилем считали, да и теперь считают Будду его поклонники. Для них он — не простой человек, а воплощение божества в челсвеке.

И правда, Будда был таким человеком, какие редко встречаются среди людей. Он, как и заратуштра, был действительно человеком большого ума и великого сердца. Поэтому нет ничего удивительного, что и о нем сотни миллионов людей думают, что он родился необычным способом.

Великий древне-китайский мудрец Конфуций.

Тоже самое рассказываю и о великом китайском мудреце Конг-фу-цзы, или, иначе говоря, Конфуции.

Конфуций тоже знаменитый и великий вероучитель и мудрец. Его вероучение распространено в Китае. У него, как у Будды, до сих пор очень много последователей. И его, как и Будду, и Заратуштру, китайский народ считает не простым человеком, а воплощением таинственных сил и великим чудотворцем.

Вот что рассказывается о его рождении в старинном китайском предании

Однажды мать Конфуция увидела страшное чудовище. Это было Хи-Хин, животное, похоже на единорога. Чудовище это приблизилось к матери Конфуция и вдруг выронило изо рта драгоценный камень. Этот-то камень и дал жизнь Конфуцию.

Как водится, китайские народные сказания повествуют, что и Конфуций творил разные чудеса, — такие же самые, как Заратуштра и Будда. Конфунция тоже испытывали злые духи. Без этого не обходится никакой великий чудотворец, никакой вероучитель. Разве мог бы он быть проповедником новой веры, если бы ему были страшны какие-либо соблазны, искушения со стороны злых духов? Так рассуждают все последователи всех великих вероучителей, и потому о всех о них говорится, что их несомненно искушали из всех сил злые духи.

Конфуцию, как и другим великим вероучителям, являлись в видениях разные таинственные силы. Конфуций, как и другие вероучители, побыал на небе и видел воочию богов.

Такие рассказы до сих пор о нем ходят в народе, верующем в него.

Любовь и Труд.

Мы должны иметь веру в торжество нашего идеала: освобождение человечества, верить и энергично, без отдыха; работать для его победы. Счастье будущих поколений, т. е. освобождение наших детей, зависит исключительно от наших освободительных усилий, от нашего добросовестного труда над освобождением человеческого мозга от всех предрассудков, болезненностей и уродливости, что нам оставили наши предки.

Это истина неопровержимая, что будущее принадлежит тем, которые работают с любовью и усердием на пользу всего человечества. Любовь и усердие — единственные факторы освобождения, которым мы должны отдавать всю нашу жизнь, все наши воли. Наша природная сущность требует разрешения основного вопроса свободы, в котором нуждается человечество, чтобы уважать творческую природу. Ибо только в свободе сможем мы оценить все чудеса, которые сотворила природа для нашего пользования, для нашего восхищения и благосостояния.

Итак поработаем, полюбим безкорыстно дело возрождения, приступим с любовной стойкостью к важному вопросу нашего освобождения, с верой в собственные усилия и в влияние нашего примера. Заражение безкорыстным трудолюбием даст нам, без всякаго сомнения, обильные плоды.

Не ослабеем же в борьбе, как бы велика она ни была, и как бы она не казалась выше наших сил.

Если наша жизнь будет коротка, чтобы завершить наше дело, мы должны имет веру в пример, который мы оставим, и надежду что мы оставляем за собою продолжателей, лучших чем мы сами, которые доведут наши стремления до желанного конца.

Будем настойчивы, будущее будет за теми, которые работают и любят.

(*La Protesta*) перевел *X. K.*

Среди книг и брошюр*).

Самое трудное для трудящегося это найти книгу, которую он мог бы прочесть с пользою для себя и которая дала бы ему самое большее что в ней есть. Трудно не потому только что он еще слаб в чтении и иногда чуть не по складам должен разбирать те трудные мысли, которые писатель захотел высказать, а потому что он не в силах, не знает какую книжку взять для того чтобы она дала ему пользу. На белом свете сейчас появляется столько книг что даже и умеющий и привыкший читать теряется. Тем паче теряется не привычный разбираться и не знающий почему он не понимает. Такому читателю кажется что он просто не способный, что он никуда не годный человек, и он впадает в уныние. И, часто, совсем бросает чтение и отгоняет от себя всякий интерес к чтению и к знанию.

Таких не мало. Но они сильно ошибаются. Нет трудных знаний; или недоступных мыслей. Есть трудные изложения знаний и мыслей.

И, часто, попав на хорошую книгу, которая помогает трудящемуся в начале чтения и дает ему возможность узнать как работать над собой, над своим саморазвитием, над своим сознанием и над своим самообразованием, а иногда простой совет опытного, знающего человека спасает малоразбирающегося читателя от разочарования и толкает его на интенсивную работу над самим собой и своим образованием.

Одна из таких книг была недавно издана «группой Северо-Американских рабочих». Это—книга Рубакина: «Письма к читателям о самообразовании». Всякому, искренне желающему работать в свободное от работы время над собой, можно порекомендовать познакомиться с этой книгой.

Эта книга — настоящий настольный справочник по всем вопросам самообразования, саморазвития и самовоспитания. Но она к тому же еще сама по себе очень полезна каждому рабочему по своему содержанию: по тому ряду вопросов, которые она ставит перед читателем и ра'ясняет. Книга богата по содержанию и по простоте языка, которым в ней излагаются важные мировые вопросы.

Книга эта бодрит и оживляет, и толкает мыслить и работать над собой. Несколько строк из предисловия автора (1923 г.) дадут цельное и полное представление о духе и содержании этой книги:

«...к работе на смену погибшим и на помощь уставшим. К работе общественно-полезной, национально и интернационально необходимой и неизбежной. И приступим к ней дружно,—поперем и вперед, и вверх,—весело, бодро, жизнерадостно и смело. Новой России сколь возможно скорее необходимы многочисленные кадры сознательных, подготовленных борцов и работников, этично и общественно настроенных, вооруженных научным знанием, умением независимо и безпристрастно мыслить.

Выходите же все бодрые, сильные, смелые, и становитесь скорее в ряды неутомимейших и сознательных строителей светлого будущего, царства труда, честности и свободы!»

*) Отдел «Среди книг и брошюр» имеет своей задачей знакомить читателей с наиболее интересными и полезными для трудящихся книгами, имеющимися на книжном рынке.